

Виктор АФЕРЕНКО

Гордая и горькая судьба Додоново

2. От двадцатых до пятидесятых

(Продолжение. Начало в № 20 от 22 июня)

Переломным годом для додоновцев, как и для всех жителей Прикрасноярья, был не 1917-й, а начало 1920-го. Вообще, перед рассказом о советском периоде жизни села сделаем отступление, на взгляд автора - важное и нужное для дальнейшего повествования.

Краеведы используют материалы из книг, научных статей, из архивов, беседуют со старожилами. Этот вид творческой деятельности находится на стыке истории, археологии, этнографии, публицистики и художественной литературы (в основном очерковой). И тут возникают вопросы. Краеведы - только нейтральные летописцы или связаны с идеологией и политикой? Имеют ли они право на обобщения и выводы?

Наши главные принципы - это объективность, верность фактов, не подбор их и подтасовка под какие-то установки, идеологемы, а наоборот - выводы на основе фактов, даже если эти выводы не нравятся официальным органам или отдельным социальным группам.

Не так давно в ходу были лозунги и фразы: «Пережитки капитализма», «Догоним и перегоним», «Партия - ум, честь и совесть эпохи» и другие.

Ныне «маятник» перехлестнул в другую сторону. И в ходу новые штампы, используемые и повторяемые где надо и где не надо: «У нас 70 лет...» (далее следует негатив самого разного содержания), «Вот у них, в цивилизованных странах...», «Нас умом не понять» и т.д.

История не может быть плохой или хорошей - она была и есть. И если часто звучат слова: губерния, купцы, земство, дворянская честь, то полное право имеют на употребление и анализ понятия: Совет, ревком, комсомол, пятилетка, соревнование... Если краевед использует их, это не значит, что его нужно подозревать в воспевании тоталитаризма, культа и не надо приклеивать ярлыки ему.

Советское время прошло через души и сердца миллионов, всколыхнуло XX век, подвело к совершенно новой цивилизации. Так будем говорить о нем объективно, без двойного стандарта. Причем пишущий имеет такое же право на мнение, как и любой гражданин.

Начнем с главного принципиального вопроса: как встретили жители прикрасноярских деревень, в том числе и Додоново, советскую власть?

Обратимся к фактам. Грандиозные и судьбоносные события начавшегося в масштабе империи: русско-японская война, революция 1905-1907 годов, столыпинская реформа, переселенческий бум, распутищина, мировая война, февральская революция 1917 года, отречение царя - все это, конечно, влияло на ход жизни сибирских крестьян. Но влияло косвенно, проносилось, словно далекие грозы.

Устои общин, родов, семей, традиций не менялись. Никаких изменений не произошло и при «первой», как ее обычно называют старики, советской власти (октябрь 1917 – май 1918 г.) Безразлично отнеслись крестьяне к ее падению. И колчаковщину приняли спокойно, мо, поживем - увидим!

Но к концу 1919 года отношение к Колчаку резко изменилось. Почему? Потому что сибирским крестьянам не нужна была никакая диктатура: ни красная, ни белая. Красной они не знали пока, белая же себя дискредитировала по всему социально-экономическому спектру.

Колчаковские власти землю пока не отбирали, но и не объявляли ее официально чьей-то собственностью. Налоги повысились, их сборы ужесточились. После очень дорогого российского рубля пришла невиданная инфляция: деньги с базара везли буквально мешками. После декрета о мире и возвращении солдат с первой мировой опять объявили всеобщую мобилизацию. И, пожалуй, главное, (диктатура есть диктатура) - за недоимки, за отклонение от повинности карательные отряды и милиция (да, она называлась в 1918-1919 годах так) применяли репрессии, аресты, публичные порки.

Например, в Балчуге (а все, что происходило в соседних селах, немедленно становилось достоянием округи) Елену Николаевну Беляеву - мать пятерых взрослых сыновей - за то, что двое из сыновей дезертировали, положили прилюдно на лавку и выпороли.

Ропот перерос в открытый протест. В тайге, в Кантатском логу летом и осенью 1919 года из Додоново и левобережных деревень скрывались дезертиры, которых насчитывалось более 20 человек. Колчаковские милиционеры в тайгу соваться боялись.

В конце декабря 1919 года практически вся более чем тридцатитысячная каппелевская армия обошла Красноярск через села прилежащих волостей, в морозы по забоям пробилась вверх по Кану до Транссибирской магистрали. Каппелевцы ограбили все села. Один из их отрядов заезжал в Додоново: поменяли лошадей, выгребли фураж, забрали продукты. Вооруженное сопротивление им оказали крестьянские дружины в Есаулово и в Атаманово.

Для регулярной да еще озлобленной армии это было, как комариные укусы. Но дело в самом сопротивлении, в добром отношении к советской власти. Ни о каком «заговоре большевиков» здесь и речи идти не может, их вообще в Додоново до 1920 года не было.

Итак, в январе 1920 года начался советский период истории на додоновских землях. С каких исходных позиций? Передо мной лежит дело N 10 (фонд 200) «Сведения, списки, таблицы о количестве дворов, жителей, скота и хлеба в деревнях Частоостровской волости за 1920 год». В Додоново всего записано 58 хозяйств, в них - 299 человек, 178 «рабочего возраста» (официально - с 12 лет). Распахано 174 десятины пашни. В наличии имелось 4443 пуда зерна и муки, то есть ровно по 25 пудов с десятины (по современным меркам 4,2 ц/га - очень низкий урожай). Для посева требовалось по 10-12 пудов на десятину, то есть 2000 пудов. После вычитания получим в остатке 2500 пудов, разделим их на 299 едоков и выходит по 8,3 пуда (а обычной нормой неофициально считалось: пуд муки на человека в месяц). То есть в среднем нормы не выходило. А еще ведь нужен был фураж лошадям. Первый вывод: деревню богатой назвать было нельзя. Важен и другой факт - что таилось за средними цифрами? Из 58 семей половину составляли старожильческие, чалдонские. Только Черкашиных проживало 16 семей - 102 человека. Из переселенцев 14 семей (в них 48 едоков) вообще землю не пахали, 6 семей (24 человека) распахивали по одной десятине, 5 семей (14 человек) - по две. Итого: 25 семей (86 человек) имели 16 десятин. 11 хозяев (на 86 едоков) распахивали 68 десятин. У них и земли были лучше, и лошадей, и скота больше. Расслоение явное!

Как жизнь шла дальше? Принято представлять несколько десятков лет советского села в одном сером цвете и без периодизации. А периодов можно четко выделить пять.

В 1920-28 годах, в основном в период НЭПА, советская власть на селе осуществляла разумную политику: ввела продналог, кредитовала крестьян, продавала машины под урожай, просвещала крестьян агрономически, не ущемляла веру, выборы в Советы проходили открытым голосованием, демократически. Додоново за эти годы выросло значительно, хозяйств стало 79, жителей - 452 человека.

Приехало более 20 семей из Белоруссии, Шиверов, из Подпорога. Большая часть хозяйств стала середняцкой. В 1929-35 годах ради стратегических целей (урбанизации, высвобождения рабочих рук, гарантированных хлебопоставок) прошла «революция сверху» - полупринудительная коллективизация, раскрестьянивание, раскулачивание.

Период явного нарушения законов. Всегда тлеющие «угли» внутриобщинных противоречий стали искусственно разжигаться.

Из Додоново выселили 6 семей более зажиточных крестьян. Несколько семей подвели под так называемое «твердое задание». Примером разгула страстей и репрессий является судьба Василия Михайловича Малиновского - умного, грамотного хозяина. Односельчанин, один из ярких защитников идеи, написал на него жалобу (знал же ведь, чувствовал, чем закончиться может!). О том, что было дальше, нам поведает документ, который привожу полностью. *«Министерство безопасности РФ, Управление по Красноярскому краю. Степановой М.В.*

Уважаемая Мария Васильевна! На заявление в отношении Вашего отца сообщаем следующее. Малиновский Василий Михайлович, 26 марта 1894 года рождения, уроженец с. Додоново Красноярского района, проживавший по месту рождения, работавший колхозником в колхозе им. Сталина, был арестован 4 ноября 1937 года органами НКВД.

Малиновский В.М. был необоснованно обвинен в том, что якобы занимался контрреволюционной агитацией, направленной на срыв мероприятий, проводимых партией и Советской властью. Статья обвинения в деле не указана.

Постановлением тройки УНКВД Красноярского края от 27 ноября 1937 года Малиновскому В.М. была назначена исключительная мера наказания - расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 30 ноября 1937 года в г. Красноярске. К сожалению, в связи с отсутствием документации и за давностью времени мест захоронения установить не представляется возможным.

Реабилитирован Ваш отец 8 мая 1959 года.

При аресте Малиновского В.М. в его квартире было обнаружено и изъято одноствольное ружье. В связи с этим нами направлено в Финансовое управление ходатайство о выплате Вам компенсации за изъятое ружье. Семья имеет право на получение двухмесячной зарплаты по месту его работы на день ареста. Для получения Вами данного пособия следует приложить нотариально заверенные копии документов: справки с места работы отца, справку о реабилитации, свидетельство о смерти и документы, подтверждающие Ваше родство. Просим принять наши искренние соболезнования в связи с трагической судьбой Вашего отца».

Здесь все вопиет: и сам факт, и данная бумага. Как будто старое ружье и сто трудодней могут компенсировать потерю отца и поломанные судьбы. Можно представить, сколько нужно поездок и запросов, чтобы достать и заверить справки. И все же период жизни в Додоново в колхозе имени Сталина в 1935-41 годах следует отметить как прогрессивный: страсти улеглись, обстановка стабилизировалась, колхоз стал подниматься, приобретая облик особого

хозяйства, где сочетались традиционно-общинные, государственные и личные интересы. На Енисее резко возросло число проходящих мимо судов. В домах появились велосипеды, патефоны. Все чаще из Есаулово привозили кино.

Откроем архивное дело «Протоколы сессий и заседаний Комиссий Додоновского сельсовета с 6 января 1936 года» (фонд 2159). Как известно, главная беда современного русского языка - канцеляризмы. Попытаемся пробиться сквозь «частокол» трафаретных фраз и оборотов, уловить суть явлений. *«Протокол N 6 заседания Додоновского с/с от 17.02.1938 г. Члены совета Солдатов И.Я., Чуринов И.С., Черкашин В.А. Присутствовали 14 колхозников. I. Слушали отчет о работе школы за первое полугодие (доклад заведующей Карасевой). Охвачено 100% учащихся, посещаемость составила 87%, успеваемость 93%, отличников - 4. Дровами школа обеспечена, литературы достаточно.*

Решили: 1. Работу признать удовлетворительной. 2. Тов. Карасевой составить план воспитательной работы среди детей, особенно усилить работу по их поведению вне школы. 3. Выдать для премии отличникам учебы Гуриновой Соне, Чернову Василию, Репиной Марине, Тарасову Феде по 40 рублей.

II. Слушали о ходе подготовки к весеннему севу.

Ход подготовки идет безобразно: из 476 центнеров семян отсортировано 85, из 21 плуга отремонтировано 5, из 42 борон - 21, из 900 возов навоза вывезено 170.

Пункты постановления начинались известными словами-призывами: указать, принять, обеспечить, обратить внимание...»

А вот выписка из протокола N 10 от 4 мая 1939 года. *«Присутствовали председатель Гуринов, члены совета Устюгов, Иванов, Майоров, члены правления колхоза Черкашин, Седлов, Семенов.*

Избирателей 8 человек. Слушали: о ходе весеннего сева.

Постановили: 1. Предложить правлению колхоза по-большевистски взяться за оперативное руководство в работе сева. 2. Наладить учет работы с показателями на досках и в стенгазетах. 3. Проработать в звеньях речь т. Андреева на XVIII съезде партии, организовать ефремовские звенья к началу взмета паров.»

К громким, трескучим словам привыкли уже тогда. Но главное все же не в словах, а в интересе к общему делу.

На 1 января 1941 года в Додоново было более 80 домов. В них жили около четырехсот человек - облик села и численность жителей после вакханалии 1929 - 1935 годов восстановились. 1941-й год начался с больших снегов, с ранней весны, с наводнения. На Енисее в каждом столетии наблюдалось до 5-7 больших разливов. В XX веке, например, в 1906, 1916, 1936-37, 1966 и 1967 годах. Но Шивера и Додоново затапливало чаще из-за заторов льда в Атамановских камнях.

В протоколе совета отмечено: *«Из-за наводнения с 7 по 17 июня 1941 года под водой оказались посевы пшеницы - 71 га, ячменя - 25 га, овса - 65 га, ржи - 10 га».* А 22 июня пришло известие об огромной народной беде. И как было в многовековой судьбе русичей, начиная от их предков ариев и скифов, пахари стали воинами. В Додоново за годы Отечественной войны все (!) 79 мужчин 1895-1926 годов рождения получили повестки на фронт и в трудармию, во многих случаях не по одному мужчине из семьи.

Братья Ивановы - Антип, Антон, Иван, Михаил - Кирилловичи (все или погибли, или пропали без вести). Братья Ивановы - Иван, Николай, Василий - Степановичи (двое погибли). Братья Репины - Михаил, Степан, Василий - Якимовичи (все домой не вернулись). Братья Дадеко - Макар и Мартын -

Ивановичи, сын Макара Иван (погиб). Братья Андриенко - Осип и Василий (погибли), Черкашины Иван и Павел (погибли), Бондаревы - Иван, Афанасий, Николай, Михаил. Семенов Михаил Федорович (погиб), его сын Иван. И еще десятки человек.

В августе 1941 года в Додоново поселили 13 семей немцев Поволжья (72 человека). Самые многодетные семьи - Отта Генриха (9 человек), Шнейдера Андрея (8 человек), Фризиргера Карла (8 человек).

Большинство мужчин тоже призвали в трудармию. Хозяйство в колхозах Сибири было экстенсивным: низкая урожайность и продуктивность компенсировались количеством гектаров и голов скота. Пахалось и косилось все, что можно было пахать и косить. А основные работники с каждым годом убывали. В январе 1942 года призвали мужчин, родившихся в 1900 году и раньше, на Западный фронт под Москву. В 1943-м году - на Курскую дугу ребят 1925-26 годов рождения.

На снимках: сверху - Василий Алексеевич Черкашин (1881-1947 гг.) - один из ярких представителей старинного рода терских казаков (фото 1912 года): пекарь, прекрасный плотник и пчеловод, первый додоновский коммунист, председатель совета в течение более десяти лет.

Снизу: Николай Степанович Иванов - один из восьми братьев Ивановых - участников Великой Отечественной войны из Додоново, трагически погиб на службе.

Весь фронт работ пал на стариков, женщин и детей. Хозяйства нищали, жизнь становилась все бедней. Чтобы в трудных условиях люди продолжали трудиться, не разбежались, колхозникам не выдавали паспорта.

Да, определение лет с 1941 по 1956 год как «колхозного рабства», справедливо, но, во-первых, в 1942-45 годах оно было вынужденным, иначе не победили бы, и во-вторых, совершенно неправомерно распространять условия жизни и труда советской деревни в течение 15 лет на весь период коллективного хозяйствования.

Далее последовал 35-летний период (1956-1992гг.) возрождения деревни, роста коллективных хозяйств, производительности труда, существенного изменения быта. Госпожа История и по прихоти своей, и по железной необходимости вовлекла Додоново в строительный бум еще раньше, но об этом в других очерках.

(Продолжение следует)

Аференко В. Гордая и горькая судьба Додоново. 2. От двадцатых до пятидесятых: исследования краеведа : [история села Додоново] / В. Аференко // Город и горожане. - 1998. - 5 июня. - С. 27.